

ОПЫТ О ЧЕЛОВЕКЕ

Первая книга стихов Алёны Каримовой «Другое платье» была издана в 2006 году. Спустя почти десять лет вторая — «Холодно — горячо». Уже в названиях чувствуется неброская загадка, неуловимая зыбкость: героиня меняет обличия, примеряет на себя разные роли, порой наслаждаясь этими вариациями, как весёлой игрой, порой удивляясь собственной переменчивости:

Думалось: тридцать лет — это край Вселенной.
Звали меня Алёной и звали Леной.
И та — эти буквы в паспорте — А-л-и-я —
тоже вроде бы я...
Несомненно, я.

История этих личностных перевоплощений, то беспечальных и игровых, то серьёзных и горьких, и составляет сюжет новой книги. Каждый её раздел фиксирует определённое (как правило, переломное) время человеческой жизни: «Берега — для мостика» — время взросления и постепенного осознания, обретения себя («Я стою на границе. Я — голос. Я — ваш связной...»), «Схема проезда» — время разных, чаще всего любовных, потерь и ошибок («Мне до тебя расти и расти — наверное, в этом фокус...»), «Другая гармония» — время зрелости и принятия той жизненной формы, которая выпала героине на долю («Как хорошо, что нельзя ничего исправить. / Голое горло саднит от живой воды...»), наконец, «Белый звук» и «Запрятано в ночи» — два последних раздела — время внутреннего постижения истины, разумеется, неизменно и накрепко сопряжённой с любовью:

Я не могу писать никому, читать никому,
а потому подойди, я тебя обниму —
ни у кого не сумею тебя отнять,
только обнять, понимаешь, только обнять...
Откочевать к зимовью, упасть в меха —
в шкуру зарыться волчью лицом сухим,
пусть от людей подальше, как от греха,
пусть...

«Подальше от людей», тем не менее, не получается. Лирика Алёны Каримовой удивительно *человечна* — в этом, пожалуй, и заключается основное её отличие от постмодернистской тенденции современной поэзии, с блеском освоившей технику отстранения, самоуничтожения автора и резекции непосредственной, эмоциональной оценки. В каримовской лирике автор — есть, и его отношение к реальности — есть. Однако это не значит, что сама поэтесса незнакома с тем «кодом со смыслом», владение которым доказывает причастность к условному поэтическому мейнстриму. Владеет, да ещё как: тут запишет текст в стиле «потока сознания», тут собьёт синтаксис, тут упомянет о «не прирученном до конца» языке, тут перефразирует классического или современного автора... Однако в её случае это не пресловутая «любовь к ремиксам», а нечто другое. Лучшие тексты Каримовой написаны не ради интертекстуальности, не ради постмодернизма и уж тем более не ради прописки в замкнутом культурном сообществе, гордящемся своей элитарностью, — а ради того, чтобы как можно более полно воспроизвести каждодневную, текущую жизнь, в которой есть место и интертекстуальности, и элементам постмодернизма, и сложным пересечениям между действительностью и текстом; пересечениям, разбегающимся «мелкими трещинками», в чей узор напряжённо вглядывается лирическая героиня:

Мир неправильный, как речной голыш, —
весь в щербиночках, мелких трещинках.
Почему тогда мне мерещится:
что ни сделаешь — всё Судьбу творишь.

Вот выплакиваешь, вот выцеживаешь —
ан, смотри, — она и придёт, дрожа...
Всё играешь, да? Всё послеживаешь?
Берегись воды, берегись ножа.

Лучше рожь посеи, лучше дом построй,
разводи овец, да гусей, да кур,
мефистофельский убери прищур,
не смущай людей болтовнёй, игрой...

Поэзия Алёны Каримовой — это поэзия крепкого быта, предметной детали, уравнивающей воздушную, часто не до конца проговорённую мысль. Лирическая героиня в каримовских текстах, как правило, думает на ходу, делится размышлениями, не предлагая конкретных ответов, но наслаждаясь самим диалогом, присутствием близкого и понимающего собеседника. Здесь нет ярких кричащих цветов — есть оттенки, полутона, перетекающие друг в друга нюансы; нет ясных категоричных решений — есть пульсирующие вопросы, сомнения, ежедневные наблюдения за жизнью, из которых в конце концов складывается объёмная, движущаяся картинка:

Восточный базар цветастый, разноязыкий
мне снится и снится... и стены дворцов великих,
бесстрастные муэдзины и минареты,
но вдруг просыпаюсь от мысли дурацкой: «Где ты?»
А вот уже, видишь, Венеция. Маски страшной
оскал, и томленье, и сладость, и гнев вчерашний...

Перебор оттенков, движение мысли, сменяющийся звуко-ряд. Алёне Каримовой свойственно ощущение общей жизни

вокруг, ощущение общности жизни. Благодаря этому ощущению то, к чему русская поэзия стремилась издавна и чего чуждается современная элитарная культура — пресловутое «единение с народом» — достигается у неё без нажима, легко и естественно, и подробности этой нехитрой окружающей жизни прорастают в стихи:

Да уснёшь тут, как же! А знаете, в прошлый раз
тут мальчишки ехали — там RnB, хип-хоп...
А однажды строитель в трениках «Адидас»
говорил, что устал он жить как батрак, холоп...
А ещё однажды странница из Челнов
возвращалась от мужа к любовнику, сомневаясь...
Мне теперь понятно, что значат слова «челнок»,
«кочевая жизнь», «экономика теневая»
и «любовь-разлука»...
В сидячий вагон билет,
как в другую жизнь,
хорошо, если не по кругу...
Нет.
Вокзал. Привет. Вот подарок тебе — держи.
Это лодка хрустальная...
Или туфелька...
Дай мне руку.

Простые словечки, житейские истории, обыденные, даже банальные ситуации, открываясь сочувствующему взгляду, являют своё тайное, символическое значение: челнок — это не просто мелкий торговец, «предприниматель» родом из 90-х, это ещё и путешественник между мирами; дешёвый хрустальный товар — пропуск в сказку, а может быть, в ту единственную подлинную реальность, в которой и пассажиры сидячего вагона, и лирическая героиня живут одну жизнь и участвуют в общем бытийном сюжете. Каждого встреченного человека Алёна Каримова воспринимает как соучастника по «большой игре» жизни, оттого-то в её эмоциональной палитре практи-

чески нет осуждения, есть лишь щемящее сострадание к тем, кто разучился слышать столь явственные для неё гармонические созвучия: «Руки дрожат у пьяницы прикурить, / тётка с опухшей рожей сдаёт стекло... / Были детьми, конечно же, как не быть, / в небо к Тебе смотрели светло-светло...» Каримовская героиня изначально нацелена на сочувствие и понимание — отсюда та лёгкая оторопь, с которой она реагирует на отсутствие контакта, на сбой в гармоничной мелодике бытия:

сложно любить людей а некоторых особю
и не то чтобы вид у них или характер не тот
но придёт однажды к тебе просветлённейшая особа
и стеснясь расскажет какой ты вообще урод
и не то чтоб ты сам-то себя выставлял святошей
но обидно ей-богу и думаешь ну и ну!
а хотелось со всеми дружить и вообще хорошим
быть хотелось... ну ладно...
а письма я все верну...

Есть недоумение, ирония, лёгкая грусть, но нет злости. По сути, поэзия Алёны Каримовой родом не столько из русской классической школы, подразумевающей некий трагический пафос и даже эмоциональный надрыв, сколько из бардовской песни позднего СССР — М. Щербакова, А. Якушевой, Н. Матвеевой: бытовой мир в этой песне уже рассыпается, но люди ещё не успели разъединиться, ощериться друг на друга. Поэтому, видимо, персонажи каримовских текстов так узнаваемы и так дороги автору: и добрая медсестра, успокаивающая пациентку больницы, и пассажиры сидячего вагона, и прохожие, встреченные на улице... Перед нами тот редкий в современной словесности случай, когда автор пишет не для «экспертного круга» ценителей и распределителей премий, а для *простого читателя*, требующего от поэзии прежде всего *совпадения* — и утешения: